

Сергей
Ильиных

ПИК НОВОЛУНИЯ

стихотворения
поэма

"ИСЕТЬ"

Шадринск

1996

Светлой памяти
моих родителей
Ильиных
Нины Федоровны,
Ильиных
Владимира Васильевича
посвящаю эту книгу

ББК 84Р7-5
И46

Ильиных С. В.

Пик новолуния. Стихотворения. Поэма
— Шадринск, ПО "Исеть", 1996 — 100 с.

редактор-составитель

ВЕРА БЕКЕТОВА

художник

ЮРИЙ ЮДИН

© Ильиных С. В., 1996.

© Издательство ПО "Исеть",
1996.

ISBN 5-7142-0142-6

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 1994 году из стен типографии шадринского издательства «Исеть» вышел маленький поэтический сборник Сергея Ильиных под названием «Печальная симфония». Внимательно «прослушав» и приняв ее, читатель вправе был ожидать следующей встречи с поэтом. И вот она состоялась.

Стихотворениям и поэме, вошедшим в новую книгу «Гик новолуния», присуща мягкая задушевность. Однако, автор ведет с читателем серьезный разговор о человеческих взаимоотношениях, о различных проблемах современной жизни, о любви... Его лирический герой — человек думающий, равнодушный, заинтересованный собеседник, который делится своими радостями, сомнениями, заботами. Поэту удалось найти верную и точную, может быть, слегка элегическую интонацию — что помогает глубже понять внутреннее состояние души лирического героя.

Некоторые стихотворения данного сборника в течение последних двух лет были опубликованы на страницах районных, городских и областных газет Зауралья.

ПРОЛОГ





БАЛЛАДА О ЧУДАКЕ

Средь лесов и полей,
Где туманы зеленого цвета,
Где мятушийся дух
Со вселенскою грустью знаком,—
Жил один человек,
Назывался зачем-то поэтом,
Ну, а люди окрест
Величали его чудачком.
И чудак не роптал,
Принимая молву за крещение.
Только думал порой:
Почему от рожденья бескрыл?
Оттого ль на земле
Наказанье — не хуже прощенья,
Чтоб однажды поэт
И стихи, как молитвы, творил?
А когда навсегда
Покидал он родную планету,
Оставляя взамен
Зарифмованный молитвослов,
Говорил он: «Земля,
Ты прислушайся, право, к поэту!
А иначе зачем
Ты рождаешь себе чудачков?»



Стихи, говорите, мои — не в дугу?
В них только печаль — не радость?
Другим уж, простите, я быть не смогу.
Оставьте мне эту слабость.

А лучше ли так: на рысях, на бегу —
И все же успеть лишь малость?
Увы, но как все я бежать не смогу.
Оставьте мне эту слабость.

Хотите, чтоб я закружился в кругу
И встретил досрочно старость?
Нет-нет! Понимаете, я — не могу...
Оставьте мне эту слабость.

Зачем вам восторженную немоту
Встречать, до кишок улыбаясь?
Таким-то уж точно я стать не могу!
Оставьте мою мне слабость!

УБЕГАЮЩИЙ
ОТРОК
поэма







В ПРИЮТЕ
(вместо вступления)

Бог свидетель и судьба-пророчица!
Память одноглазая не в счет.
Это кто там, в тоге одиночества,
Ртом немого голос подает:
«Вы за кем приехали? Пожалуйста,
Назовите имя поскорей...»
Это — детство с жаждою ужалиться
У входных захлопнутых дверей.
Робкая надежда — всепрощение —
На ресницы просится упасть;
Там — глаза, земное притяжение —
Самая отчаянная власть!
Зря ль клеймила роковая метрика,
Не взыскупя выгоды своей?
Я стою — без нательного крестика —
У входных, захлопнутых, дверей...

I

Ненастный день. Опять тупая боль.
В отчаянье не вымолвить ни слова —



Лишь тяжкий выдох. И не оттого ль
Я часто ворошу архив былого?
Все кажется, что именно тогда,
Судьбою изначально искалечен,
Я счастлив был — хоть новая беда
Исправно вымеряла мои плечи
Навырост...

Вспоминаю летний дождь.
Когда его в порыве сострадания
Бросало в лихорадочную дрожь,
Он вопрошал с надеждою: «Придешь?»
И назначал мне тайные свиданья.
Мой милый друг, мой верный опекун...
Кому еще такой заморыш нужен?
И я, босой, бежал по теплым лужам —
Вот-вот себя подальше упеку
От серых стен сиротского приюта
И, молнию златую оседлав,
Бессовестно, нахально, нагло, круто
Исчезну за занавесью!

Стремглав
Бежать туда — в обитель белых гроз,



В разрывы грома, в лапы водопада,
Где и следа не сыщешь детских слез
От умопомрачительности грез,
И больше ничего уже не надо:
Салют, побег! Сомненьям вопреки
Отстирывать, как наволочку, душу,
Все хляби неба на нее обрушив,
Потом упасть в поток большой реки
И плыть, доверясь прихотям стихии.
Вперед, безумец, к воле вечевой!
Твои дела как будто неплохие —
Их одиночки пестуют лихие,
Расплачиваясь гордой головой.

II

Как дорог мир, доставшийся в бою!
Спасибо вам, спасительные воды.
Мгновение — и я уже стою
На кромке обозначенной свободы:
Застыл закат средь гулкой пустоты,
Меж будущим и призрачным сегодня,
Пылают покоренные кресты —



И лишь один, как флаг победы, поднят
Над миром...

Чу, откуда голос мне
Извительный: «Сбылись твои надежды,
Теперь небось мечтаешь о коне?»
И, повинясь голосу извне,
Я нехотя свои смыкаю вежды,
Банальной усталостью побит.
Но сон нейдет, а кто-то сердце гложет:
«Сынок, очнись, пожалуйста, Сережа...»
И за плечо тихонько тормозит
С настойчивостью дерзкой, как расплата.
Но где же я? И тут пробилась явь —
Ненастный день, больничная палата
И я в бреду, и няня рядом...

Вплавь

Туда, обратно, к вешему кресту!
Ах, уберите эти одеяла...
Я заслужил живую пустоту —
Не эту, нет, а сказочную ту,
Где на кресте мне мама начертала
Простой завет, что дальше хода нет.
Так руки прочь — его я не нарушу...



Я не хочу потрепанную душу!
Ах, мамочка, включи поярче свет,
Чтоб наконец и я тебя увидел...
Ужель, скажи, есть праведный закон
Земную жизнь уподоблять корриде?
Ужели я *тогда* тебя обидел,
Раз в бытие насильно водворен?

III

Я задремал, пропитанный насквозь
Таблетками, укрытый полушалком
От няни... Но врачам не удалось
Меня смирить с обыденностью жалкой.
...О, детский дом, ристалище судеб!
Заброшенная пристань одиночеств,
Которым ненавистен пресный хлеб
Казенщины пресыщенной и ночи
Бессонные.

Как спрячется заря
Вечерняя за тем дремучим лесом —
В колонну становись — и до утра
Тупая, бестолковая муштра
Под оком гневным. А потом известно:



подной тишины
рунт, по стойке «смирно» —
едний воин мира,
о прийти с войны...
ыло возвращаться?
лошадь. Я не знал,
ожены от счастья
аммов...

Убегал
ой малец готов,
ризорника ведомый,
толеннице из дров
родимый кров.
айте — он дома!
и князь и граф —
сканности светской.
остью недетской.
-нибудь неправ
ида не покажет,
-и в воду все концы.
равнодушно скажет:
ь рубашка в саже...
ные стервецы».



IV

... И дивен был болезни краткий сон.
Меня как будто избегали муки.
Как будто вирус жизни занесен
В сознание — где замирали звуки
И, новыми аккордами струясь
В симфонии вселенского оркестра,
Мне помогали духом не упасть.
Но как покинуть пасмурное детство
И выжить?

Неизвестен этот путь.
Осталось лишь влекущее познание
Иного... Чрез себя перешагнуть,
Назад руками воздух оттолкнуть,
И взмыть навстречу тайне мироздания
Пушинкою ленивой и шальной...
И вдруг — подъем! Так просто, без усилий
Невидимые крылья уносили
Меня все дальше, дальше! Эй, постой,
Не жмурься и поверь, совсем не страшен
Полет над речкой, лесом золотым
И наготою приунывших пашен
В преддверье снега скорого...



«Летим? —

Все тот же голос шепчет на ушко,
Гнусавеньким одаривая смехом. —
Не лучше ль робким действовать шажком?
Себя искать всегда идут пешком —
Вернее нет основы для успеха.
А бегают, летают — от себя,
Что, в общем-то, нелепое занятие...
Но ты мне даже кажешься занятен:
Из чаши страха смело пригубя,
Воробышком резвишься в поднебесье —
Тем самым только вскармливая ложь.
Однако... полетай да не убейся,
Напару с ветерком чуток развейся...
Еще маленько, может, подрастешь».

V

Не испытал ни разу я потом
Такого потрясающего чувства,
Когда в воздушный бросился поток:
Быстрее, малыш! — восторженно мечусь я,
Неистовством сжигающим горя...
Как чуда ждал — и вот оно коснулось
Истерзанного сердца бунтаря



Перстом провиденья и обернулось
Парением.

Поклон вам, облака!

Я с жадностью осваивал пространства.
Но счастья миг печален был слегка —
А кто поймет, что вырос я в силках
И что с несправедливостью подрался
За всех бритоголовых пацанят?
Поди поймай-ка чертову удачу...
Не потому ль мечты стыдливо прячут
И, словно драгоценности, хранят
В загашниках натур неудержимых?
Границы государств не стерегут
Так ревностно! Кровавые режимы
Замков прочней не создали...

И тут

Случилось нечто странное со мной:
Я в судорогах бешеных забился,
Обуреваем яростью слепой,
Рванулся вон из плоти и стрелой
К неведомым пределам устремился.
Божественный меня окутал свет!
Простым глаголом он не описуем.



м трезвонить всуе?
ма, да где найти ответ
н и причаститься
ом сущего в себе?
сть слога мне простится —
дбы листать страницы,
екогда в борьбе.

VI

помнить я смогу?
на скомканной и липкой,
и в собственном соку...
лунною улыбкой,
х заиндевела мгла —
лей Водолея
едро пролила
емлю, не жалея

протопал в коридор
ви не обнаружив,
ообрался, словно вор,
оям, открыл тугой запор
вом выглянул наружу.



О, Господи! Сплетение теней,
Тревожное шуршание во мраке
Листвы кустов, осипший лай собаки
Неподалеку, благостный елей,
Разлившийся из недр горних высей, —
Все искушало силой волшебства!
И понял я, как от него зависим
Заложник притяжения...

Сшивал

Свои я мысли в плана плотно
(Вдругорядь не посмел и думать, братцы)
Но, как в плохом положено кино,
И в этот раз мне не было дано
Из лазарета мерзкого убраться.
Сердечком завладел неясный страх
И, будто в подтверждение дурного,
Я ощутил: гудит набатом снова
Огромный мир в натруженных висках,
И снова — боль... плывущее вниманье...
И я, роняя воина копье,
Валюсь ничком и слышу, как в тумане,
Надрывный голос сердобольной няни:
«Ох, горюшко ты луково мое...»

ЦВЕТНОЕ КИНО





В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

Обещали день погожий,
Оттого душа — вразброс:
Больно, часто бьет по коже
С ветром спорящий мороз.

Ох уж эти наши сроки!
Повелось из года в год —
Ошибаются пророки
И властители погод.

И царит во всем эфире
Вместо градусника ложь —
Где еще такие гири
Неподъемные найдешь?

Заплетаются в смятенье,
В горсть блудливой кутерьмы
Перепады настроенья
С перепадами зимы.

Вот опять, прогноз читая,
Диктор сердце холодит.
Где ты, оттепель святая?
...приходи.



Глаза забыли, что они глаза,
И до сих пор не вспомнили.
Уши забыли, что они уши,
И тоже до сих пор не вспомнили.
Губы забыли, что они губы,
И теперь болтают без умолку.
Руки и ноги однажды вспомнили,
Что когда-то были рабами,
И — сами себя заковали в цепи...
Так человек лишился будущего.



Вновь весна забрасывает сети.
Уж туман колдует над рекой.
В полнолуние, в сумеречном свете,
Мысль не поспевает за строкой.

В эту ночь пьянящего апреля
Я о многом мог бы рассказать.
Но стою я — строчками прострелян —
И одно твержу себе: молчать...

Да куда мне с веснами тягаться!
Тщетно все, коль разрывает грудь.
Даже если очень постараться —
Все равно сегодня не уснуть.



Барышня, барышня,
не ходи сюды:
Бедной головушке
не снести беды.
Сколь уж их было-то,
несмышленных встреч —
Столько оплаканных
горемычных свеч!
Плаваешь — павою —
да глядишь светло,
Молодцы молятся
на твое чело...
Выбери! Вымани,
уведи за дом:
Стерпится, слюбится...
разберешь потом!
Барышня, милая,
не ходи сюды.
Бедной головушке
не снести беды...



Красиво выглядела ложь.
И так, наверно, было сладко —
Ножом по сердцу!

Ну так что ж...

Я поднимаю этот нож
Как брошенную мне перчатку,
Как тайну выбора и как
Сомнений тягостных кончину:
Благослови

(такой пустяк —

Попасть нечаянно впросак)
Мою нелепую причину
На снисхожденье...

Так и быть.

Зачем тревожить душу рвением?
Знакома мне иная прыть —
Коварный узел разрубить
С изысканнейшим извиненьем...
Ведь я люблю!



ДОМ НА ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

Молитвами моими, милый дом,
Храни себя от умысла разрухи.
Пускай сидят печальные старухи
Под окнами твоими вечерком.

Пускай, забыв пристанище свое,
Соседский кот, приняхиваясь, рыщет,
И воробьи беснуются на крыше,
И на дворе полощется белье.

Пускай под утро снова детвора
Тебя капризной будит суматохой...
Мой бедный друг, пожалуйста, не охай
Над участью столетнего вчера.

Дожди — как повелось уж испокон —
Живой водою боль твою омоют,
И в сердце отзовется немотою
Ближайшей церкви погребальный звон.



ПОСЛЕ ЛИВНЯ

В небе нимба полукружье
Кротко вспыхнет и растает.
Молча вздрагивают лужи
От шальной ребячьей стаи.
Вот заходится в падучей
Тень холодная — а следом,
Выплывая из-за тучи,
С барских плеч одарит пледом
Солнце — в бархатной короне.
Мир — с такого перепою!
Ничего не надо, кроме
Солнца, луж и...

нас с тобою.



ДВЕ СУДЬБЫ

Шелестят листки календаря.
Суета окучивает будни.
Где котомка рваная твоя,
Прикипевший к дому старый путник?

Ты забыл движение непогод.
Ты отринул солнечную ласку.
День и ночь — уже который год —
Я твою разыскиваю сказку.

Под дождем упорствует скрижаль,
Не желая мрачных разногласий.
Ты смеешься, и тебе не жаль,
Что мой путь не менее опасен.

А вверху по-прежнему парят
Облака — и жест их бескорыстен...
Вновь и вновь с листом календаря
Ты срываешь древнюю из истин.



Бабые ли лето умы всполошило —
Встречи мне желтая дарит метель.
Бродит и бродит в доверчивых жилах
Горькой любви заблудившийся хмель.

«Ратуйте, — крикну своим сердцедам, —
Ратуйте и предъявляйте права!»
Снова — ко всем моим болям и бедам —
Льстит и ласкает людская молва.

Снова душа забарахталась в порче:
Водка да хлеб — запасаешься впрок...
Я ли не знал, как пристойно порочен
Белыми нитками шитый мирок?



ЗАЛОГ

Я твердой рукою
Судьбу свою скомкал.
Спросил покупатель:
— Почем?
— Да нисколько!
— А много ль грешил ты?
— Бывало, не скрою...
— Тогда оставайся
С своею судьбою.
— Постой! Может, я
Доплачу тебе малость?
В кармане копейка еще
Завалялась...
Подносит сто грамм он:
— Беру! А ты пей-ка.
Златая цена тебе, видно,
Копейка.



В ОТЧАЯНЬЕ

Прощай!
И слава и позор —
Одной головушки убор.
Кому их выпало носить,
Тому страданий не избыть.
Тому достанет, как с иглы,
И мук, и кайфа, и хулы,
И череды печальных дней
В судьбе раздавленной своей.
И вот —
Когда не станет сил
Дождаться той, о ком просил
Часами небо, — вот тогда
Мелькнут мгновением года
Сквозь почерневшую свечу...
Тогда любому по плечу
Порвать серебряную нить
И опыт странный завершить.



Осенью черною ночь еле-еле
Входит в рассвет — растворяется в тень.
Нет, невозможно согреться в постели —
Скверной простудой приветствую день.

Ах, почему в непогоде бывает
Так, что по улицам разных столиц
Шастает ветер и даже не знает
Наших желаний, походов и лиц?

Я ничего для себя не придумал —
Просто живу в голубом сентябре,
Делаю дело... И нате — продуло,
Словно девчонку по юной поре.

Я ведь неделю на улице не был!
Тут же зараза обрушилась враз —
Срочно бегу за лекарством! А мне бы
Вместо таблеток — слова про запас...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СНЕГУ







ЗИМНИМ УТРОМ

Вышли утром за ворота,
Глядь — такого не бывало
Никогда — рассыпал кто-то
Клад на бело покрывало.

Пошутил ли бес над нами?
Мы стоим, глазам не веря:
Как мигает огоньками
Драгоценная потеря!

Неожиданно, как в луже,
Солнце низом полыхнуло —
За сокровищами тут же
Длань златую протянуло.

А с ближайших крыш воришки,
В снег попрыгав, уж крадутся...
Скоро будут здесь делишки —
Если шибко разойдутся!

Так спеши, спеши, хозяин!
Собирай свой клад, иначе
Воробы со всех окраин
По жемчужине расташат.



А снег сегодня — словно ранен —
Бросает клич со страшным воем...
Давай заблудимся в буране
И на двоих его присвоим.
Мы тоже ранены с тобою!
Пойдем — и пусть буран узнает:
Ему не сладить с той любовью,
Что нас томит и обжигает.
Мы будем смело целоваться,
А чтобы он не рвался зверем —
На тур декабрьского вальса
Ты пригласишь его, уверен.
Потом устроим славный ужин,
И чтоб не знал буран печали —
Давай с людьми его подружим...
Ну что, согласна? Побежали!



31 ДЕКАБРЯ

Последней ночью весь вселенский снег
Сойдет с ума и скрестит параллели —
И новый год, как новый человек,
Появится в мятежной колыбели;
И растворятся цифры и слова
В беснующейся белой круговерти,
И жизнь свою захочется сломать,
И не иметь понятия о смерти,
Но верить — до секунды — в первый день
И в будущее кроткого младенца...
Айда, браток, — ушанки набекрень —
Веселые выписывать коленца!

БЛАГОСЛОВЕНИЕ





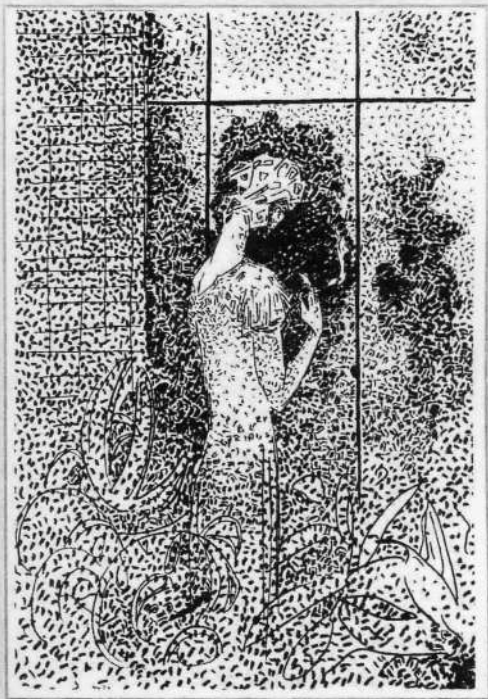
ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Оборолот коварное слово!
Без опаски, беспечный ведун, —
Я себе нахаманил такого...
Сирой клячей плетусь в поводу.

Равнодушно встречаю рассветы
И с тоскою гляжу на закат.
Эх, дорожка разбойная, где ты
Схоронила заветный булат?

Где твоя заждалася сторожка
Тех, кто сердцем крутенок и мил?
Видит Бог: пошалил бы немножко —
Как, бывало, мой прадед шалил!

А чего... Помирать без опаски
Веселей и почетней вдвойне:
Хоть сгожусь
 для рождественской сказки —
Словно закусь при добром вине.





СЧАСТЬЕ

Что счастье? Окаянная мечта,
Ледок желанья — тоненький и ранний
Но все стремленья мира — не чета
Стремленью жить хоть миг один
В обмане.

И не понять трагический мотив
Осужденным алкать святого права,
Что — даже десять жизней пережив —
Нам никогда не видеть
Ледостава.



СВИДАНИЯ

Рука к руке.
Строка к строке.
С тобою, со стихами —
Подножки ставить
Грусть-тоске
Ослепшими шагами.
Невнятна речь
Невнятных встреч —
Без пошлости, без глянца.
Ах, как подольше
Нам сберечь
В себе непостоянство
Минут,
Путей,
Земных затей...
Где сладко — там и горько,
И рой вопросов у дверей:
Когда?
Куда?
Во сколько?..



О, да! Когда нежданно закипает
Голодных глаз бесстыдная мольба —
Свои права и счета предъявляет
Сама судьба.

Но видит Бог: нас грешники рожали.
Я голод твой не в силах превозмочь
И — жалостью безжалостной ужален —
Не выйду прочь!



Когда в покойные минуты
Твоя душа погружена,
Не миновать мне легкой смуты —
Ведь ты по-прежнему одна.

И я, не зная подоплеки
Твоих мучительных причуд,
Такой чужой, такой далекий
И не любим тобой ничуть.

Как будто мы — едва знакомы —
Судьбу вершили наугад.
Поправ житейские законы,
Наш мир крушением чреват.

Как будто были понарошку
Слова, пролитые дождем.
Присев на дальнюю дорожку,
В четыре стороны уйдем...

Но в этот миг скулящим стоном
Мой дух взрывается в груди!
И я, припав к твоим ладоням,
Шепчу тебе: «Не уходи...»



ВДВОЕМ

Я боюсь уколоться о память.
Засыпая, давай помолчим —
Чтоб молчаньем своим позабавить
Говорливое эхо в ночи.
Чтобы все, что не выскажешь прямо,
Непременно сказалось во сне:
Ты красивой была и упрямой,
Как назойливый луч на стекле;
Бесшабашной, капризной и тут же —
Неразборчивой, нежной, слепой...

Если я тебе больше не нужен —
Ты нужна мне... И только такой!



БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Благословенье твоему побегу!
С веселым буйством легкого винца
Так торопко бежала ты по снегу
От моего туманного крыльца.

И словно скован ласковою ленью,
И улыбаясь будто невпопад,
Я своему внимал соизволенью —
В немом строю восторженных рулад.

О, Бог ты мой! Твоя ли это жалость
Пришла на помощь, сердце растопив,
Когда моя гордыня унижалась
И камешком катилась в обрыв!

Пускай опять, как прежде, стынут клены:
Твой образ в их заснеженных ветвях.
А я согреюсь шарфиком зеленым,
Который ты забыла второпях.



Я помню день сырого сентября.
Тогда в саду вы «выкинули» номер —
Влечением отчаянным горя,
Спросили резко: «Ты еще не помер?»

Как больно попадать под ваш прицел!
С меня лукавых не сводили глаз вы.
И я, стылом опутанный, пропел
Подобие сонат из твердых гласных.

И вновь терялся в символах примет:
К разлуке или к скорому венчанию?
Но вот теперь, с поспешностью ответ,
Я вам стихами все же отвечаю.

К несчастью, жив! А как сейчас живу—
Зачем вам знать? Все это очень странно
В уме пишу последнюю главу
Не начатого вовремя романа.

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ





О.В.К.

I

Я брел в апрель, как много лет назад.
При каждом шаге сердце спотыкалось.
О, как искал я твой случайный взгляд!
О, как пленяла сладкая усталость —
От поисков — заведомо пустых —
На перекрестках пройденных дорожек!
И понял я, что нет тебя дороже,
Что онемел мой безотрадный стих,
И снова в острие карандаша
Барахтается глупая душа,
Пугаясь откровенного признанья...
Скажи мне, кто придумал расставанья,
Когда бесценен каждой встречи миг?
Мне не понять предвзятости подобной.

Но если слово вдруг сорвется в крик —
Пойми меня, пожалуйста. Попробуй...



Попробуй же принять меня всерьез.
Я начисто лишен самообмана
И, наблюдая за паденьем звезд,
Уж не ловлю их неводом тумана,
Как в юности, — все это позади.
Теперь иное народилось чувство,
Которое уловками Прокруста
Я тайно приспособил на груди —
И вот почти седеющий пострел,
Что снова оказался не у дел,
Свою ревниво охраняет ношу...
Ах, как легко однажды сесть в калошу!
Когда-нибудь я страхи подавлю
И сам нагим рискну идти по краю...

Тебя устроит бледное «люблю»,
А я с волненьем кротким — обожаю.



С волнением кротким я накоротке.
Хотя чего, казалось бы, стыдиться?
Привычны будни, коль в твоей руке
Давненько прижилась уже синица,
Готовая в любой момент воспеть
Все то, что раньше не было воспето.
А что любовь? Для всякого поэта
Она лишь повод, а иначе — плеть,
Погонщица невысказанных слов,
Которым нужен стихотворный кров
И тяжкие уроки совершенства...
Но сколько мук великих и блаженства
В загадочном брожении, когда
С тобою вместе воздыхают роши...

Когда б не это маленькое «да» —
Влюбленному бы много было проще!



4

Мне проще отказаться от себя.
Но ты чиста и трепетно ранима.
Судьбу твою за платье теребя,
Нечаянно не повредить бы имя,
Рожденное от солнца и волны
В согласии с законами Вселенной.
Не зря же преклоняются колена
Счастливых волевых, что не вольны
Оспаривать решения! Иной
Страдает так, что платит головой,
Стремясь непоправимое поправить.
Однако, нет в любви разумных правил!
Составить их я тоже не берусь
И тем уже доволен, что не смею...

Я от себя с восторгом откажусь —
И это все, что в жизни я умею.



Что в жизни я имею? Лишь билет
До станции с названием Разлука.
Предвижу, что минует пара лет —
Болезненных, как чья-то оплеуха,
Блестящих, словно самый главный приз,
И я сочту их милою забавой.
А ты меня вниманием побалууй
И любящей на время обратись
Из жалости! Я так же одинок
И заточен в духовный свой острог
Суровое влачить существованье,
Где помыслы по клеткам рассовал я
И крепко запер памяти ключом...
Но как судьбу сумеем провести мы?

О чем ты? — спросишь. Я скажу: о том,
Что жалость и любовь — несовместимы.



6

Зачем несовместимости стена
С поспешностью воздвигнута меж нами?
Ах, только б знать — и будет снесена
Моими неумелыми руками
В мгновенье ока! Только намекни
Кивком или уже известным жестом,
Что все мосты пора открыто сжечь нам —
И я зажгу волшебные огни,
Каких и гениальный не дал маг!
Ведь чудо чаще прячется в умах,
Нешуточной разгоряченных страстью,
И вопреки капризному ненастью
Лишь выход ищет... Это первый сон,
Что по ночам крадется к изголовью.

Каким бы неуместным ни был он —
Он все равно останется любовью.



Поверь, что мне совсем не все равно.
И я не чужд весенних искушений.
Твое — в потемках — яркое окно
Манит и, словно яблочко мишени,
Отталкивает робкого стрелка
И вновь зовет пытаться свою удачу...
Так дай мне к благосклонности в придачу
Последний шанс! Не смейся свысока
Над вяшей неуклюжестью манер —
Ведь я и впрямь неважный кавалер
И далеко не княжеского рода...
Да что такое знатная порода
В сравнении с безумием сердец,
Отмеченных божественным касаньем!

Напрасно ли замешивал мудрец
Для ложки счастья бочку с наказаньем?



По горло наказанием я сыт.
А жизнь всегда одни дает рецепты:
Покуда «Я» твое не доболит,
И до конца покуда не ослеп ты —
Вступай в игру невинных женских чар
И наслаждайся радужной надеждой,
Что где-то с терпеливостью мятежной
Тебя другой покорно ждет причал...
Не отвергай, о женщина, потом
Того, что принесла с собою в дом
Помпею и вулкан противоречий!
В пылу терзаний пресловутый нечет
Нередко прочный образует сплав
Гармонии семейного уклада...

Всему земному славу ниспослав,
Прошу тебя я: стань со мною рядом.

ЧЕТКИМ ПОЧЕРКОМ







ПОСЛАНИЕ К РИФМОПЛЕТУ

Ну что, дружище, славы возалкал?
Златых сетей томительного плена,
куда манит прекрасная Сирена?
Прими сей чудодейственный бокал,
из коего лишь гений пригублял
тому уж, почитай, лет двести скоро...
Возьми же, ну! Испей его сполна,
повенчанного с дерзостью вина —
авось тебя минует чаша вора,
завистника, лжеца и крохобора.

Прости, что буду краток вопреки
сомнительным поветриям, что снова
я уплотнил до минимума слово
и пренебрег течением реки.
Без ругани — есть в мире чудаки!
Себя я все же чую виноватым:
ведь мне порою тоже невтерпёж,
продав свою душонку ни за грошъ,
на пару с целомудренным собратом
пятиэтажным высморкаться матом.



Ах, сколько жизнь подбрасывает драм!
Вот и сейчас одною стало больше.
Я мог бы Исааку или Мойше
(твоим от века преданным друзьям)
черкнуть пяток нелестных эпиграмм —
но мне не быть, как ты, себя хитрее:
и так судьба моя обделена...
Сегодня утром, словно с бодуна,
я приучался выглядеть бодрее.
...Теперь спешу закончить поскорее.

Ты прав, конечно: Пушкин не поэт —
всего лишь тень от старого баркаса,
проплывшего задворками Парнаса.
Ты часто заверял весь белый свет,
что басни — чушь, и глуп как жанр сонет...
Хвала же им, рожденным от уродов!
Хвала тебе, укрывшему меня
от более жестокого огня!
Хвала тебе — наместнику гарольдов,
поэту всех времен и всех народов!



ХУДОЖНИК

Ю. И. Юдину.

Ты встречаешь меня
Неприступным, неистовым, чуждым...
В эту пору, когда
Поневоле хворобой храним
И бежишь суеты,
И томишься вниманьем натужным, —
Никогда не узнать,
Коим замыслом ты одержим.
Никому не понять
Излучения скорбного света
В развороте плеча
И в пальбе из-под хишных бровей.
Это — память твоя,
Осторожною кистью задета,
Выплывает на холст
Силуэтами странных теней.
Будто детство бурлит
В раболепном рывке к воплощению!
Вот могучая мать



У остывшей хлопочет печи...
И, забытый давно,
Призывает сознание к скрещенью
Этот вымерший мир:
Не молчи... не молчи, не молчи!
Ну, а я в стороне
Посижу, покурю и внезапно
Собираюсь домой —
Не мешай-ка, мол, сам. Отвяжись...
На пороге опять
Я услышу привычное: «Завтра
Приходи, и тогда
Мы с тобой потолкуем за жизнь».



К ДРУЗЬЯМ

Скажу я вам, обету вопреки,
Что другом быть — суровое искусство.
Пожатие протянутой руки
Зависит лишь от искренности чувства.

Когда тесны объятия — в забыты
Уходишь прочь от ханжества и лести...
Теперь друзья названные мои
В меня вливают яд коварной мести.

А что взамен? Борьбу иль схимный сон
Я предпочту циничной круговерти?
Есть в подлости заведомый закон:
Она толкает к вынужденной смерти.

Но, право, мне ль, ведомому судьбой,
Страшиться? Пусть торжественно и чинно,
С улыбкой очарованной, за мной
Прошествует живая мертвечина!

Не помня зла, я сладостью от мук
Труда и жизни буду причащаться...
Настанет день — и настоящий друг
Мои разделит пищу, боль и счастье.



ПОСЛАНИЕ К А. А.

Что прошлое, любезный мой учитель?

Что в спутники с собою мы возьмем?

Увы, все чаще вы молчите,
Чем терпеливым водите пером
В надежде своему доверить другу
Затейливую ясность ваших дум —

Хоть, верно, я не тугодум
И на медвежью не гожусь услугу.
А посему примите реверанс
Из бедных рифм забытого пиита,
Случайно посетившего Парнас,
И заверения: что было промеж нас,
Ни в коем разе не забыто!

Сведя, судьба нас быстро развела.
Но где же вы? Меня спросите, где я

И что она взамен дала...

Скажу, что нет занятнее безделья
Все вечера и ночи напролет
Без устали и дерзко красть у Леты
Минувших лет достойные приметы
И тасовать в пасьянсе. Вот



Какой за вами следует народ —
Ленивый, замкнутый, раздетый...
Но что одежд нам жалкие лохмотья!
И тогу можно сшить из простыни.
А подавать ли нищему поводыя —
Известно из далекой старины,
И нового не стану уж искать я
Измене оправданья. Ни к чему
Отставив мамку, звать куму
И то лишь только потому,
Что у нее попроше платья.

Да полно мне ученого учить.
Но знайте же, мой друг, что год от года
Крепчает глас, готовый возопить:
«О, наших дней убогая свобода!»
Распутная — как девка в кабаках,
Бесцельная — как поприще бродяги,
Которые однажды, второпях
Забыв о всех молитвах и постах,
Решили переспать на стяге
Страны бедовой, во хмелю —
Какую с детства помню и люблю



Без лишней лести и отваги;
Какой когда-то пылко присягал
И, сколько мог, хранил я верность эту,
И тайный смысл присутствия искал.
А что нашел? Увы, ответа нету.

Порой тоска замучает меня —

Да так, что руки липнут к стопке,
В безумный мир фантазии маня,
Где хлопаешь ладошкой по попе
Хорошенькой и вдруг почувешь робкий
Мотив для буйства и огня.

Что стало с нами в эти десять лет?

Исчезли вовсе легкие пирушки;

Их воспевал в посланьях Пушкин,

Скрывая главный свой секрет

О том, что истина... поэт, —

И вверх бокал — и да пребудет вечно

Великий дух романтики беспечной!

Но дух почил. Потомкам от гусар,

Ревнивых обольстителей Венеры,

Единственный достался дар —

Глагол «гусарить». Впрочем, точной меры



Никто не знает. И наверняка,
Воспользовавшись лексикой былого,
Мы вольно понимаем это слово.

Ну что возьмешь ты с мужика?
Его всегда позиция крепка:
Бутылка, баба да корова.

Сказать бы можно было и грубей,
Однако прочь тематику коровью.
Предъявим счет сударыне судьбе:
Жестокость множится любовью
И желчной жалостью к себе,
Протравленному терпким перегаром.
И вот тебе искусный повар зла!
Когда, забив с приятелем «козла»
И выпавшись в своем домишке старом,
Затопит печку с раннего утра,
Такую нам он сварит кашу
Из вил, ножа и топора,
Что я тогда тем паче не берусь
Предугадать дорогу нашу,
Какую не знавала раньше Русь.
И лишь потом, случайно, ненароком,



Свалившись в ноги мачехи-страны,
Пойдем, что нет противнее войны
И глухи мы к истории урокам.

О, вечности невинное чело...
Не время ли, на вымысел богато,
Нас в путаницу мыслей завело
Коварною ухмылкой циферблата?
Прокуренные, в тесных кухнях мы
Для вольности уж святости не ищем —
Лишь над седым воркуем пепелищем,

 Не избежав ни той суммы,
Ни горьких слез, ни разочарованья,
Ни этой повседневной кутерьмы
 С ее комфортом ожидания
 Счастливых дней в раю. И что же?

Представьте, новый русский господин,
Едва покинув зековское ложе,
К позорному столбу нас пригвоздил
С сочувствием: живи, скреби сусеки
И на крови построй прекрасный дом,
 Вернее — храм, ну а потом
 Итоги с ходу подведем —
 Кто не в своем родился веке.



Я все о том, куда теперь идти.
Мое призванье, кажется, известно.
Хоть выскочки в России не в чести,
Чем больше мнешь — тем круче тесто,
Каков посев — таков приплод!
А что до имени... то Боже правый,
Я честно сторонюсь поспешной славы
И все же чувствую: вот-вот
Она сама меня найдет,
Сама укажет нужный поворот мне —
И поспешу я, долгом одержим
Из каждой захудалой подворотни
Горяченьким стихом пленять режим.
Когда-нибудь все беды пронесутся,
Уродливый веков остынет след,
А власть слепого безрассудства —
Дай Бог другим преодолеть.

НАВАЖДЕНИЕ





ОПЕРАЦИЯ НА СЕРДЦЕ

Меня ли ждет пустая плаха вех,
Коль сердце —эта взбалмошная птица —
Шалит, шалит в груди и, как на грех,
Все норовит когтями зацепиться?

И я ложусь. Давай, браток!

Вас называют колдунами —

Так поколдуй с моими клапанами,
Чтоб я опять дышать спокойно мог.
Но с треском рвется главная аорта,

И врач в крошечной тишине

По технологии аборта

Выскабливает сердце мне —

И я мечусь в горячечном огне:

Прощай, прощай, пустопорожний век!

Тебе осталось мысленно молиться

Зы выходцев из племени калек,

Чья участь предначертана: больница

Да скальпеля зловещий вид —

Над тушей — в неуклюжих лапах

Заправленного спиртом эскулапа,

Который знать не знает, где болит,



Но, повинуюсь прихоти капризной,
Разрежет плоть! А после под столом
Готов рыдать в халат за тризной
И грезить о втором больном —
Не одураченном Отчизной.



Пойду спрошу прохожего,
Смушенье затая:
— Ответить мне не можете,
Где Родина моя?

Прохожий остановится,
Плечами поведет,
Присмотрится, как водится,
И... адрес назовет.



Пожалуйста — шепотом, шепотом...
О чем ты, мой друг дорогой?
О том, что я тоже был шелковым
В стране под железной пятой?
И что никому не простительно
Кичиться свободой своей?..
Так знай, что всего удивительней:
Чему научили властители —
Мне даже свободы милей!



НАШЕСТВИЕ

Утром прошли корабелы
Строем неровным, и вот —
По небу призраком белым
Парусник гордо плывет.

Бьется на рее устало
Порванный флаг золотой.
Кто там стоит у штурвала
С серой на шляпе каймой?

Кто произносит молитвы,
Прячась в шершавую тень?
Кто в ожидании битвы
Нас намечает в мишень?

Вот надвигается тучей
С западных сумрачных гор
Крепкий, тяжелый, могучий —
Черный красавец линкор.

Прячемся! Мы уходили,
Брат мой, от разных погонь!
Поздно... Опередили...
Сверху раздалось: огонь!



ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Ох, mon ami, тебе все так же плохо?
Опять в России смута и раздоры.
А мне, признаться, блажь царя Гороха —
не слаше рыка львиного «Авроры»:
большой чудак! (А впрочем, вы издревле
прославились иными чудаками).
Но... нравится британской королеве,
и не грозит своими башмаками.

А результат?

Куда ни глянь — повсюду
добротный слой такой словесной пыли!
Ну кто из вас там не подвержен блуду,
кому костяшки в гневе не промыли?
И в этом смысл жизни... Лихо спрятан,
как будто всем и вправду легче стало...
А нам куда, скажи мне, деть Марата?
Ату? Наполеона — с пьедестала?!

Смешно, поверь: и юмор ваш изыскан
с ехидцей, у разбитого корыта, —
и вот предлог для массового сыска...
Ой, было, было, было же! Finita.

Но все твердят: мол, Запад нам поможет.
Ах, как вы дружно рученьки сложили,
невинные создания! Не гоже,



мне кажется, успехами чужими
хвалиться вам для пушэго блезиру.
На то пошло — грехи их подберите,
уж все едино. Покажите миру,
как научились жить при «общепите».

Да ладно, будет... Мне какое дело
до ваших дел? Ведь я хотел лишь только
понять одно (эк, видимо, задело):
что за беда такая — перестройка.

А как поймешь? Сужу по малым крохам
газеты врут сегодня, как и прежде
бывало. Но зато когда мне плохо —
я вновь ищу спасительной надежды,
как в оны времена последний витязь.
Я снова ветрен, горд и не зависим
от всяких президентов и правительств
и думаю о пушкинском Борисе;
бывает, днями слушаю Монтана,
Вертинского... И, знаешь, помогает
оправиться вдруг. Поздно или рано
судьба фортуны в гости приглашает —
я примечаю каждый лепесточек
и солнца луч в оконном переплете...

Прощай, *mon cher*!

Прости за четкий почерк.

Храни вас Бог, пока еще живете.





Вперед, феодалы! Уж близится час
Фундамента камни обрушить...
Но помните: сверла невидящих глаз
Просверлят насквозь ваши души.

А впрочем, бездушие — имя вам! Так
В анналы истории впишем.
Теперь уж ничто не страшит — ни гулаг,
Ни плач над родным пепелищем.

Ах, как замечательно на небесах!
Вы — сыты, обуты, одеты...
И прячутся, как тараканы в щелях,
В роскошных домах партбилеты.

На вас отродясь не бывало креста —
Хоть сто лет промчится, хоть тыщи;
Вы строите храм, чтоб под флагом Христа
Казнить или миловать. Ниших...



НАВАЖДЕНИЕ

Тише...
Дыхание, брат мой, прерви:
Слышишь,
Как страх червоточит в крови?
Это —
От звезд прозревающих прочь —
Всадники мрака
Несутся сквозь ночь.
Ближе и ближе —
Туда, где не ждут, —
Мчатся на зов
Провокаций и смут,
В сторону лежбища жадных огней
Гонят своих неустанных коней.
В черной крылатке —
Червленной на вид —
Смерть
Высекается из-под копыт...
Снова безумие рвется вперед!
Снова затих в ожиданье народ.
Глупая,
Грязная,
Злая страна...
Разве такой ты бала нам дана?..



ПУЛЯ

Андрею

Как мгновения горьки!
Не способная на жалость,
С жизнью наперегонки
Ты победно пробежалась.

Смерть не любит пустоты.
Души терпят запустенье.
Но какого беса ты
Очутилась в юном теле?!



Ужель опять настигла нас война?
Ужель, вкусить успев небесной манны,
Не поняли, что пьяная луна
Брела в Россию призраком туманным?

Война! Теперь куда ни поплыви—
Навряд ли верно выберешь дорогу...
А солнце, раз поплавав на крови,
Нашло на юге новую берлогу.

Да важно ль то привыкшему молчать —
Багровые закаты и восходы?..
Позорная клеймом легла печать
На все гербы, знамена и народы!



Сквозь разбитые очки
Смерть не кажется случайной.
Я скажу тебе: почти
Мир минутою молчанья!

То не сказочка была —
Жизнь, по-дикуму простая...
Вновь двуглавого орла
Покусала волчья стая.

Я скажу тебе: готовь
Горсть обугленной землицы —
Похоронка на любовь
Поспешает от столицы.

Значит, памяти опять
Возвращаться гневом пьяным.
Значит, вдовам целовать
Только черные тюльпаны...



К РОССИИ

Вам не найти искры для мертвых глаз,
Что ни цветка собой не оросили.
Напрасно смотрит рукотворный Спас
В глаза России.

Не докричаться в жерла мертвых уш —
Сорвется голос в тщетности усилий.
Сыграйте лучше похоронный туш
Ушам России.

Прочна печать молчанья мертвых губ.
В призывном поцелуе не свести их:
В ответ перевернется бедный труп
В гробу России.

Не дернутся ни мускул и ни бровь,
Внимая всенародному конвою, —
Когда сынов живая станет кровь
Водой живою.



Наши судьбы, как прутики, ломки.
И любые уроки — не впрок.
Ничего, дорогие потомки:
Соберите под утро котомки
И возьмите-ка жизнь в оборот!

В одиночку, семьею иль кучей —
Отправляйтесь к ристалищу лет.
Под дождем ли, в мороз ли трескучий
Отыщите таинственный ключик —
Отворите сердца для побед.

Не грустить нам на отчем пороге,
Не раздумывать, время ли в путь...
Заклинаю напутствием строгим:
Уносите из прошлого ноги!
Поскорее... сейчас... как-нибудь!

Не скрепить разоренного клеем.
Не под силу бессмыслицы кладь.
Не с одра ли потом пожалеем,
Что беспечно и долго взрослеем,
Не успев ничего допонять?

ПРЕДЧУВСТВИЕ. ЭПИЛОГ





Я не помню лица своего,
Оттого ли все чаще и чаще
Этот волчий, с надрывами, вой
Вырывался кутенком скулящим?

Оттого ли под сенью ресниц
Кровенеют безудержно слезы
И предательски падают ниц —
Под летящие сзади полозья?

Оттого ли на шкуре моей
Провисает лохмотьями юность,
А любовь от цветущих полей
Белой смертью на миг обернулась?

Оттого ли, что в мыслях я Бог,
Если все — хорошо или плохо,
Если с рвением алчущих блох
Дышит в спину чужая эпоха?

Потому не виню никого
И, ползя по смердящему полю,
Я не помню лица своего...
Может статься, что вовсе не вспомню.



ПРЕДЧУВСТВИЕ

Теплой ночью в июле
Темнота не бывает крошечной.
То не звезды мерцают ---
Это я, освященный печалью,
Теплой ночью в июле
Лунный невод тяну. И неспешно
Лепестки опадают
На ромашке. Последний — к венчанью.
Теплой ночью в июле
Так легко основание мрака
Прозревает надеждой...
Но в шепчущем, на выдохе, звуке
Теплой ночью в июле
Распознаешь в мелодии страха
Вызов страсти мятежной —
То доверчивый голос разлуки.
Теплой ночью в июле
Полонит окаянное детство!
Разберешь на осколки
И, собрать не сумев в одночасье,
Теплой ночью в июле
Осознаешь: отныне не деться
От внезапной поломки...
Это в сердце поселится счастье.



НА ИСЕТИ-РЕКЕ

По вечерам, уж ближе к ночи,
Испив под ивой молока,
Исеть-река псалмы бормочет
И молится на облака.

Над ней в кровавом обрамленье,
Раздраживая горла зуд,
Юнцы хмельного поколения
Срамные песенки поют.

А мне бы с ночью черной слиться!
И я стою во тьме без слов
И с ивы сорванною вицей
Гоняю редких комаров.



ШАДРИНСКУ

Отпусти меня, город! От этой любви —
Без остатка — несносен опять я,
Словно тать с недосыпу! Пусти, не дави
И не тискай в беспутных объятьях.

Позабыл я в плену перетершихся пут,
Что когда-то чего-то хотелось.
Ни деревья, ни дети мои не растут,
Растрянжирил и юность, и зрелость.

Я не вижу тебя, потому что ослеп, —
Как не вижу цветов под окошком,
И мечтаю, и яростно думаю: мне б
С сумасшедшим пошляться немножко.

Лишь ему одному, по всему, суждено
Быть и лекарем и провожатым...
Одиночество стало моею женой,
Но, любя, и его унижал ты.

Мне бы ноги в росу, мне бы голову в цвет,
Обратиться б залиистой птицей...
Отпусти, чтобы снова увидеть рассвет,
Чтобы снова затем возродиться.



РАССТАВАНИЕ

Раз листочек, два листочек
На земь, о земь головой!
Все — от тропочек до кочек —
Устилает лес листвою.
Бурый, красный, рыжеватый...
Вон пятнистый — погляди —
Словно птенчик, виновато
К дорогой припал груди.
Долго-долго он прощался,
Ветром северным гоним,
А потом не удержался —
Улетел куда-то с ним.
В вихре танца разноцветном
Отплясал — и был таков,
Сосчитать успев при этом
Переулки меж стволов.



Запоздало звезда отметит
Пропадающий в небе след...

Уплыву я от вас в расцвете
Заразительно звонких лет.
Ненадолго отчалою в гости;
Где-то там, в голубой тиши,
Златорогий трудяга косит
Переросшие камыши.

Он расчистит мою дорогу
В затерявшийся древний грот.
Я в себе подавлю тревогу:
«Принимайте... Приехал вот...»

Я туда доплыву однажды.
Помахав, опущу весло.
Мой товарищ кому-то скажет:
«Понимаете, повезло!»
Повезло? Обновляют где-то
Черный крест, что не выбрал ты...

Ощутите себя планетой
Из созвездия Доброты.



МЕТАМОРФОЗЫ

Я решил, что мне предстала вечность.
И в таком нервическом бреду —
Надо мной сжималась бесконечность
В самую зловещую беду.

И прозрел я: странником скитайся
И терзай пресыщенную плоть,
Коли жизнь — сплошное разгильдяйство,
А в душе роится колобродь.

И пошел, и был не раз я мечен
Той кипенью канувших времен,
Что по-братски пеленает плечи
И ведет паломника в полон.

И дерзнул я истово проститься —
Ради звезд погасших впереди...
Но открылась вещая десница
На моем томительном пути.

Будто вихрь в воинствующем танце
Над моей пронесся головой!
Я забыл о ветренном скитальце,
О дорогах страсти огневой.

Где теперь мое блуждает имя?
Поискал —- но так и не нашел.
Лишь душа, по-прежнему ранима,
Шепчет мне: все будет — хорошо...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	5
ПРОЛОГ	
Баллада о чулаке	7
«Стихи, говорите, мои — не в дугу...»	8
УБЕГАЮЩИЙ ОТРОК. Поэма.	9
ЦВЕТНОЕ КИНО	
В ожидании весны	23
«Глаза забыли, что они глаза...»	24
«Вновь весна забрасывает сети...»	25
«Барышня, барышня...»	26
«Красиво выглядела ложь...»	27
Дом на Преображенской	28
После ливня	29
Две судьбы	30
«Бабье ли лето умы всполошило...»	31
Залог	32
В отчаянье	33
«Осенью черною ночь еле-еле...»	34
ВОЗВРАЩЕНИЕ К СНЕГУ	
Зимним утром	37
«А снег сегодня — словно ранен...»	38
31 декабря	39
Перед Рождеством	40
БЛАГОСЛОВЕНИЕ	
Счастье	43

Свидания	44
«О, да! Когда неожиданно закипает...»	45
«Когда в покойные минуты...»	46
Вдвоем	47
Благословение	48
«Я помню день сырого сентября...»	49

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

1. «Я брел в апрель, как много лет назад...»	51
2. «Попробуй же принять меня всерьез...»	52
3. «С волненьем кротким я накоротке...»	53
4. «Мне проще отказаться от себя...»	54
5. «Что в жизни я имею? Лишь билет...»	55
6. «Зачем несовместимости стена...»	56
7. «Поверь, что мне совсем не все равно...»	57
8. «По горло наказанием я сыт...»	58

ЧЕТКИМ ПОЧЕРКОМ

Послание к рифмоплету	61
Художник	63
К друзьям	65
Послание к А. А.	66

НАВАЖДЕНИЕ

Операция на сердце	73
«Пойду спрошу прохожего...»	75
«Пожалуйста — шепотом, шепотом...»	76
Нашествие	77

Письмо из Парижа	78
«Вперед, феодалы! Уж близится час...» ...	81
Наваждение	82
Пуля	83
«Ужель опять настигла нас война...»	84
«Сквозь разбитые очки...»	85
К России	86
«Наши судьбы, как прутики, ломки...»	87
ПРЕДЧУВСТВИЕ. ЭПИЛОГ	
«Я не помню лица своего...»	89
Предчувствие	90
На Исети-реке	91
Шадринску	92
Расставание	93
«Запоздало звезда отметит...»	94
Метаморфозы	95

Низкий поклон главе администрации
г. Шадринска Николаю Андреевичу Нидзю,
а также генеральному директору фирмы "Ка-
рина" Алексею Геннадьевичу Кокорину и
Людмиле Васильевне Морычевой за понима-
ние, поддержку и посильную помощь автору.
Дай Бог вам здоровья!

С. Шевченко

Ильиных
Сергей Владимирович
ПИК НОВОЛУНИЯ
стихотворения, поэма

Технический редактор Н. Баталова
Корректор Т. Камышева

Лицензия ЛР № 010124 от 28.10.91 г.

Сдано в набор 02.09.96. Подписано в печать 25.10.96. Формат 60x84¹/₃₂. Гарнитура "Cooper". Бумага типографская № 2. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,91. Уч. изд. л. 3,05. Тираж 1000. Заказ № 1673.

Издательство Шадринского ПО "Исеть", 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в Шадринской типографии ПО "Исеть" комитета по печати и средствам массовой информации администрации Курганской области, 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

